

Я проснулся и тут же пожалел об этом.

Остатки похоронных барабанов эхом отдавались за моими глазами, невыносимо пульсируя, от чего у меня сводило живот. Моё тело болело до мозга костей, а во рту было суше, чем день в Сенате. Я пошевелился, застонав. Даже мягкое прикосновение шёлковых простыней было невыносимо. Я приоткрыл глаз.

Роскошь. Это была скудно украшенная комната, но то, что здесь было, отличалось несомненным качеством. Пол был из гладкого камня, отражающего солнечный свет, с электрическим голубым лазуритом. Стены были покрыты гобеленами с изображением Олимпийских сцен, написанных с тщательностью художника, посвятившему этому всю свою жизнь. Центральное место в комнате занимала единственная колонна цвета слоновой кости высотой до пояса, на вершине которой стояла золотая колыбель для факела.

В углу стоял обеденный стол, вырезанный из прекрасного тёмного дерева. Каждая из его ножек была вырезана в Коринфском стиле, а по всей длине их обвивали искусственные виноградные лозы. Вместо еды на столе лежали большие папирусные таблицы, поблёскивающие от недавно нанесённых чернил.

По всей комнате были разбросаны мягкие обеденные кушетки и стулья с бронзовыми спинками, и хотя те, что остались целыми, были высочайшего качества, большинство из них были разбиты вдребезги.

Были и другие вещи, личные предметы и сувениры, на которые я не удосужился обратить внимание. Удовлетворённый тем, что я не мёртв и не заключён в тюрьму, я перевернулся обратно на благословенно удобную кровать.

В ногу Грифона.

Я отпихнул грязную конечность от своего лица. Он рывком проснулся, алые глаза открылись.

— Что...

— Убирайся с моей кровати, — хрипло сказал я. Всё, включая мой собственный голос, было неприятным. Мне нужно было поспать ещё три дня как минимум.

— Твоей кровати? — повторил Грифон, недоверчиво. — Никому из нас ничего не принадлежит. Она настолько же моя, насколько и твоя.

— Мне всё равно. Убирайся.

— Отказано. — Он перевернулся, используя локоть в качестве подушки. — Помолчи, ладно? У меня была долгая ночь. — Я знал, что он ухмыляется, когда говорит это. Именно поэтому он отвернулся. Это была чисто попытка залезть мне под кожу.

Это сработало.

Гравитас сбросил его с кровати, а двадцать рук намерения панкратиона в свою очередь сбросили меня с другой стороны. Я поднялся на ноги, отплёвываясь как бешеный, моя голова раскалывалась, во рту стоял привкус крови. Он поднялся над кроватью, выглядя гораздо более

отдохнувшим и слишком самодовольным.

— Я убью тебя, — сообщил я ему.

— Можешь попробовать.

Мы оба бросились к кровати.

Это была комната Скифаса, как оказалось. Герой вернулся в свою комнату с едой и напитками в руках, как раз вовремя, чтобы увидеть, как мы сокрушаем его кровать своей борьбой. Мы оба замерли: руки Грифона обхватили моё горло, а мои прижали подушку к его лицу. Глаза цвета лазурного пламени, усеянные золотыми угольками, встретились с моими. Он выглядел не столько сердитым, сколько измученным.

— Для этого у нас есть залы, — сказал он, покачав головой и одной ногой смахнув папирус с обеденного стола. Он положил три буханки темно-коричневого хлеба рядом с длинной узкой каменной плитой, покрытой жареной рыбой. Кувшин с водой и ещё один с сверкающий белым вином. — Сначала хотя бы съешьте что-нибудь. Вы вдвоём выпили за день больше кикеона, чем большинство старших посвящённых выпивают за неделю.

Это объясняло несколько вещей. Я проклял своё высокомерие. Какой дурак напивается сразу после ночи жестокой драки? После нескольких встреч со смертью? Из-за таких как я, офицеры ненавидели пехоту.

— Лёгкая разминка, — похвастался Грифон сквозь подушку, похлопав меня по плечам. Это была не случайность, что он попал по затянувшимся порезам, оставленным Воробной. Ночь работы очистила мой организм от ядовитой пневмы культиватора, но они всё равно жгли как ад.

Я сильнее прижал подушку. Руки панкратиона настойчиво хлопали меня по плечам.

Хлеб был ещё тёплым, а рыба обмазана оливковым маслом и обильно приправлена перцем и имбирём. После того как я насильно выпил кубок сладкого белого вина и несколько чашек воды, я даже начал получать удовольствие. Пока мы ели, Грифон и Скифас вели светскую беседу, рассказывая о прошедшем дне. Очевидно, я потерял целый день из-за усталости и спиртного. Солнце только-только взошло, прошёл целый день после похорон кириоса.

— Итак, это Культ Бушующего Неба, — размышлял Грифон, слизывая струйку оливкового масла с большого пальца и оглядывая комнату критическим взглядом. — Всем ли посвящённым предоставляются отдельные комнаты?

— Определённо нет, — сказал Скифас, покачав головой. — Младшие посвящённые живут в общих комнатах, по четыре человека в общежитии для Философов и по восемь для Граждан. Героические культиваторы и те, кто имеет старшинство, получают такие комнаты, как эта. У старейшин есть свои поместья, разбросанные по всей горе, где обычно собираются посвящённые представители их города.

Казалось, он о чем-то задумался и сказал мне: «Естественно, для почётных гостей есть более просторные помещения. Старейшина Алеуас попросил меня передать тебе приглашение в его поместье, я уверен, что он будет рад принять тебя у себя».

— Естественно, — отозвался Грифон. Я поднял на него бровь, но он лишь слабо ухмыльнулся.

Большинство молодых лордов, будь то аристократы или патриции, яростно возмутились бы внезапным изменением нашей динамики. Грифона же, казалось, забавляла новизна происходящего.

— Проследи, чтобы он хорошо обращался с моим мастером, — сказал он властно. — Он прошёл через многое, чтобы попасть сюда.

— Ты упоминал это раньше, — сказал Скифас с неожиданной резкостью. У меня было размытое впечатление от утреннего разговора, словно что-то из лихорадочного сна. Его содержание было вымыто алкоголем и усталостью, но я помнил достаточно. Демоны на западном фронте.

— Что хочет от меня твой старейшина? — спросил я его, вместо того чтобы ответить на невысказанный вопрос. Еда, вино и постель значительно улучшили моё настроение, но не настолько, чтобы углубляться в эту тему. К счастью, позапрошлая ночь дала Скифасу слишком завышенное мнение обо мне. Он принял эту смену темы как должное и не стал дальше допытываться.

— Вчера мы с Джейсоном привели Ворóну, пока ты играл в Вознесение, — объяснил он. Я кивнул, смутно припоминая игру в кости и... шулера? Шулер. — Кирилла мы передали Старейшине Гелону, так как не смогли доказать, что он был замешан так же, как Алазон. Но нам было достаточно того, что у нас есть Ворóна и показания лакеев Алазона. Старейшина Алеуас хочет поблагодарить тебя за помощь посвящённому из его города и лично обсудить события этой ночи.

Почему-то я сомневался, что это всё, что хотел от меня добрейший старейшина. Но важнее было другое: как звали того шулера?

— Что это? — спросил Грифон, поднимая один из листов папируса, который Скифас убрал со стола. Это была звёздная карта, написанная свежими чернилами, карта ночного неба зимой.

— Ты не помнишь? — Глаза Скифа расширились от возмущения. — Они для моего культивирования — ты сказал, что знаешь, о чем говоришь, когда предлагал помощь!

— Если я сказал, что знаю, значит, так оно и есть, — заверил его Грифон, с интересом рассматривая их. — Я просто не помню этого.

На мгновение Скифас потерял дар речи. Он посмотрел на меня: «Он всегда такой?»

— Да.

— Как ты можешь не помнить? — спросил он почти в отчаянии. — Мы говорили об этом часами.

— Его терпимость к вину всегда была жалкой. — Я без колебаний осудил своего ученика за то, что он забыл такой важный разговор. О чём шла речь, я не мог сказать, но то, что Грифон забыл об этом, было просто возмутительно.

Мужчина, о котором шла речь, пожал плечами, бросив на меня весёлый взгляд, и разложил на коленях ещё одну карту. Он хмыкнул.

— Ах. — Ему потребовалось всего несколько мгновений, чтобы найти то, что он искал. — Ты на

охоте.

— Он помнит, — сказал Скифас, восхищённо подняв обе руки.

Грифон рассеянно покачал головой, дикая светлая грива рассыпалась по его плечам: «Нет, я не помню ничего после бани».

Бани?

— О, конечно. Ты просто взглянул на ночное небо в отражении источника и понял, чем болеет моя душа, — язвительно сказал Скифас. Грифон ничего не ответил, схватив из стопки ещё одну таблицу. — ... Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзен, — сказал Грифон. Я фыркнул. — Молчи, мастер.

Астрономия никогда не была моей главной темой, даже в детстве. Мой наставник упоминал о ней в первые дни моего обучения, но никогда не углублялся в неё. Конечно, я знал все созвездия, которые стоило знать, и умел ориентироваться по ним, но после того, как я покинул дом, чтобы присоединиться к легионам, моё образование стало гораздо более практичным.

Я научился читать предзнаменования по ночному небу перед битвой, и я отдалённо знал, как определять времена года по их формам. Но, по большому счету, космология не была той областью, которую я имел роскошь исследовать.

А значит, эти лихорадочные чернильные росчерки были делом рук Грифона. Я наблюдал за тем, что выглядело как копье, прочерченное по звёздам, кулак и гончая со змеей в пасти. Чем больше я смотрел, тем меньше во всем этом было смысла. Что я мог внести в этот разговор, пьяный и полумёртвый?

— Теперь я понимаю, к чему я клонил, — сказал Грифон с лёгким весельем. — Ты хочешь смухлевать.

— Я не хочу! — Грифон мог бы ударить его по лицу, и я не думаю, что Скифас был бы так же оскорблён, как сейчас.

— И всё же, ты нацелился на Путь Завоевателя, — сказал Грифон без особого осуждения. В его глазах вспыхнул алый смех, когда Скифас выхватил у него из рук карты.

— Забудь об этом, — кисло пробормотал Скифас. Его взгляд метнулся ко мне, как будто моё мнение имело для него какое-то значение. Как нелепо.

Я похлопал его по плечу. Мне пришлось потянуться для этого. Они вдвоём расположились на своих обеденных кушетках в изнеженном Греческом стиле, неприятное напоминание о молодых днях в Риме. Я сидел на моей кушетки, как на скамейке. Старые привычки.

— Тебе нечего стыдиться, — сказал я ему честно. Грифон умел проникать под кожу. Это было таким же его умением, как его намерения панкратиона и розовые пальцы зари. Но о чем бы ни просил нас Скифас прошлой ночью, я мог сказать, что это была сложная тема для него. Это было не то, чем он делился легкомысленно, даже с добавлением алкоголя.

Он расслабился от этого небольшого жеста, кивнув один раз: «Ещё раз спасибо, — тихо сказал он. — Я не успел подумать, когда ты указал на Ворон. Ты, наверное, и сам справился бы с этим,

но я бы пропал, если бы ты не пошёл со мной. Так что спасибо тебе».

— Ты хорошо справился. Все вы. — Это было грубое преуменьшение. Мои воспоминания о той ночи были размытым пятном боли и сосредоточенности, ещё больше замутнённые крепким духовным вином, но то, что я помнил о Скифасе и двух других, вызывало воспоминания о лучших днях в легионах Гая.

Героические культиваторы были невозможными легендами, мифами, ставшими реальностью. Я вспоминал об этом снова и снова, после похорон кириоса, пока мы преследовали преследователей и гнали их из теней.

Мой вклад в список чудес, совершенных той ночью, заключался в том, что я каким-то образом не умер, ни разу, и вышел из этого с нетронутой репутацией. Признаться, это было самым маловероятным событием той ночи.

Кстати говоря: «Где Джейсон и Анастасия?» — спросил я его. Я помнил, что они пережили эту ночь, но не более того.

— Джейсон, скорее всего, вчера отсыпался, вместе с остальными тремя. — Он сдвинулся на своей кушетке. Его тускло-зелёное культовое одеяние, заметно отличавшееся от королевских индиго города-святилища, сдвинулось вместе с ним. Оно упало с загорелых мышц и сухожилий. У него не было шрамов.

— И Анастасия?

— Я не знаю, и не хочу знать. — Его губы дёрнулись в сторону усмешки, но он, кажется, решил против этого. — Она... не та женщина, с которой я хотел бы свободно ассоциироваться.

— Хо? — Грифон наклонился вперёд на своей обеденной кушетке, внезапно заинтересованный. — И почему же? — Я смутно помнил, как он расспрашивал меня наедине, когда мы прогуливались по улицам Олимпии в окружении шумных Героев, о новых пополнениях, с которыми я и Скифас вернулись.

— Куда идёт она, туда непременно следует беда, — мрачно сказал Скиф. — Она - дурное предзнаменование в шелковых одеждах и вдовьем покрывале.

Интерес увеличился: «Продолжай».

— Не будь дураком, — огрызнулся Скифас. Затем, обращаясь ко мне, — Просто присматривай за ней. Ты можешь позаботиться о себе, но с ней этого не всегда достаточно. Она умеет... искушать.

Ах. Я улыбнулся, в отстранённой манере моего приёмного отца.

— Я буду иметь это в виду.

— Верно, — сказал он, отводя глаза.

— Думаю, я всё равно нанесу ей визит, — сказал Грифон, подмигивая, когда Скифас посмотрел на него. — Мой мастер часто говорит мне, что я глупый человек.

— Это явно не помогает, — язвительно ответил я.

— Я предупредил тебя, — сказал Скифас. — То, что последует, будет на тебе.

Раздался треск, механический хруст силой сдвигаемых петель замков. На поверхности двери Скифаса вспыхнул свет, бронзовая скрипка зажглась видимым светом, который обжигал чувства, предупреждая всех, кто находился в поле зрения, о предстоящем проникновении. Затем, так же быстро, как и появился, он замерцал и погас, когда дверь с силой открыли.

Анастасия прислонилась к искорёженной дверной раме, в её глазах светилась злобная улыбка. На её правом плече сидел массивный Римский орёл, который бил крыльями и пронёсся через всю комнату, чтобы приземлиться на изгиб моей обеденной кушетки, выжидательно глядя на меня. Вместо послания я предложил ему кусочек рыбы.

Скифас поднялся на ноги, сжав кулаки.

— Боже, Боже, — сказала Героиня. — Вы трое определённо были заняты. — Тлеющие зелёные глаза обследовали искорёженную комнату, проходя мимо Скифаса не замечая его. На мгновение они задержались на Грифоне и его очаровательной ухмылке, которую он приберегал для незнакомцев, ещё не знавших его.

Но они неизбежно остановились на мне.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3253439>